

М.В. Ганькина

Грамматическая аптечка

Неотлож-
ная
ПОМОЩЬ
в право-
писании

Мария Владимировна Ганькина

Грамматическая аптечка. Неотложная помощь в правописании

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477918

Грамматическая аптечка. Неотложная помощь в правописании:

Генезис; Москва; 2016

ISBN 978-5-98563-416-7

Аннотация

Книга предлагает способы работы, которые под силу буквально каждому ученику. Эти приёмы одинаково любимы и отличниками, и двоечниками. Они помогают как бы невзначай открывать справедливость «опостылевших» правил, удивляться и радоваться красоте родного языка. Являясь своеобразными тренажёрами, они позволяют набить руку в грамотном письме — но при этом способствуют нормальному живому общению учеников друг с другом. Предлагаемые методические ходы и дидактические материалы можно использовать практически в любом классе начальной и средней школы, независимо от темы урока.

Содержание

Введение	6
Об ироничной «методической прозе» Марии Ганькиной	8
Глава I. Неотложка для «грамотеев». Шесть радикальных средств от «врождённой неграмотности»	13
Средство первое. Прогулки в орфографическом саду	13
Гербарий-корнярий	13
Правила для коллекционера	17
Варианты заданий	18
Знать в лицо	19
Средство второе. В атмосфере дружбы и взаимо... штопки	21
Дырявый текст	21
Сначала на живульку	23
Под новым углом зрения	25
Деловые встречи	26
Средство третье. Проработка ошибок и неточностей	29
Цифирь на полях	29
Рукодельная брошюрка	30
См. инструкцию	35

Шифровальщики	38
Главное – конспирация	42
На десерт	43
Средство четвёртое. «Таблица умножения» словарных слов	45
Солнышко и стенка	45
Круговорот слов	48
Средство пятое. Поднимем орфографические паруса!	52
Одиночное плавание	53
По морю-окияну	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мария Ганькина
Грамматическая
аптечка. Неотложная
помощь в правописании

© Издательство «Генезис», 2010

* * *

Введение

«Грамматическая аптечка» адресована прежде всего учителям-словесникам и учителям начальной школы (а также мамам, папам, бабушкам и дедушкам, которые хотят помочь своим детям освоить грамматику родной речи).

Автор книжки, Мария Ганькина, – не только практикующий учитель-словесник, многие годы она вела рубрику «Режиссура урока» в газете «Первое сентября». Поэтому «Аптечка» является не просто оригинальной методикой повышения уровня грамотного письма, но и предлагает в копилку учителю самые разнообразные «режиссёрские» решения – способы организации того или иного задания, игровые приёмы опроса и контрольных работ, типы домашнего задания, способы развития языковой интуиции.

Кроме того, книга снабжена дидактическими материалами и рабочими тетрадями по русскому языку. Являясь своеобразными тренажёрами, они позволяют ученикам «набить руку» в грамотном письме.

Книга не только подсказывает, с помощью каких средств можно преобразить освоение родной словесности (едва ли не самого проблемного курса в школьном расписании), но может оказаться хорошим поводом для личного творчества любого учителя в любом предмете. Надеемся, что она поможет вам создавать на ваших уроках творческую атмосферу

сотрудничества, поиска, открытий и удивлений.

Об ироничной «методической прозе» Марии Ганькиной

Книга «Грамматическая аптечка» – весёлая и практичная. А вместе с тем – какая-то спокойно-задумчивая. Словно скроена в полном согласии с педагогическим кредо автора: «Я хочу, чтобы мои дети относились к миру спокойно и разумно. И хорошо бы – с юмором».

«Аптечка» посвящена секретам обработки простейших краеугольных камешков в освоении русской грамматики – тех, на которых обычно ломаются отношения с родным языком у большинства школьников.

За простотой и привычностью тематики, за калейдоскопичностью и общедоступностью остроумных решений, за внешней их лёгкостью читатель скорее ощутит, чем осознает единый связующий смысловой контекст.

Но этим контекстом служит едва ли не самая глубокая и серьёзная отечественная педагогическая традиция, крохотные грани которой будут вспыхивать перед читателем на всех страницах этой книги.

Два десятилетия назад Маша Ганькина, математический лингвист с университетским образованием, неожиданно для себя продолжила вековую учительскую летопись своей семьи. И столь же нечаянно втянулась в особую культурную

традицию отечественной педагогики.

Эта традиция исходит из признания факта, что русский язык – не один из учебных предметов в школе, не что-то внешнее по отношению к человеку, а часть его самого – то, с помощью чего он дышит, плачет, действует, переживает. И уроки родного языка должны быть посвящены не выучиванию правил и исключений, а работе со смыслами и средствами их выражения.

Такая традиция тянется от лекций двадцатых годов академика А. М. Пешковского, от опытов его (едва ли не единственного, пережившего войну) ученика, легендарного московского учителя В. Н. Протопопова, от великого современного учёного Евгения Шулешко, создавшего такую систему обучения в начальной школе, где не возникает отстающих и неудачников; от Лидии Филякиной, первой из «шулешкинских учителей», от Александры Ершовой и Вячеслава Букатова – разработчиков социоигрового стиля обучения, наследников театральной школы Станиславского, обративших её богатство в помощь учителям.

«Грамотность – это прежде всего уважительное отношение к своим предпочтениям, выборам, намерениям. Это признание за собой достойной роли в восприятии традиций своего народа, причастности к наследию его культуры. А вместе с тем – признание такого равного человеческого достоинства за всеми другими грамотными людьми», – определял когда-то Евгений Шулешко.

Такой торжественный слог не свойствен ироничной «методической прозе» Марии Ганькиной. Но именно эту мысль воплощают её методические ходы, связывающие загадки языка с исследовательской жизнью детей и взрослых на уроке, подпитывающие живые усилия детей по пониманию самих себя и друг друга.

Мария Ганькина – и наследник традиции, и её первопроходец. Не только в том смысле, что каждый «шулешкинский педагог» всегда проходит свой особенный путь профессионального становления. Но опыты Марии Владимировны и её соратника, другого молодого талантливого учителя Сергея Плахотникова, были и «первыми побегами», первыми прорывами в подростковые классы тех идей «шулешкинской», «ровеснической», «интуитивно-образной», «социоигровой» педагогики, которые до того были отработаны почти исключительно в начальной школе.

«Полнота дня учебной жизни, – по определению Е. Шулешко, – это новизна проживания своих ожиданий и исполненных, замеченных, признанных другими умений. Обнаруживать способности друг у друга – это дело детей. Но учитель как бы обнаруживает это обнаружение и не даёт ему проскользнуть мимоletно, публично привлекает к нему внимание и подчёркивает его значимость».

Этот ключевой замысел своей педагогической традиции Мария Ганькина привыкала разыгрывать сначала в работе с детьми, а потом в своих статьях и книгах, представляя самые

привычные учебные вещи в самом неожиданном освещении. Ведь именно оттенок необычности и загадочности уравнивает взрослого и ребёнка, поддерживая в них обоих дух доверительности и инициативного поиска.

Для «шулешкинской» педагогической традиции характерно, что конкретный приём ценится не меньше теоретических принципов. Так и в этой книге каждый из обсуждаемых дидактических приёмов можно рассматривать как тот узел, «концентр», ключевое событие, вокруг которого может закручиваться вся полнота детской жизни на уроке.

Лет десять назад Мария Владимировна начала привыкать быть автором и редактором книг и газетных статей, а вскоре – и ведущей (совместно с В. Букатовым) самой популярной странички «Режиссура урока» в главной учительской газете страны – «Первое сентября».

И теперь в отечественной педагогической журналистике имя Марии Ганькиной звучит как символ особой весёлой мудрости. Той, которая позволяет воспринимать пунктиры педагогических координат с необходимой лёгкостью и оптимизмом – а в то же время с деликатным почтением к тому тонкому «культурному слою» отечественной педагогики, что нарабатывался тысячами лучших людей страны и продолжает создаваться вокруг нас нашими коллегами, несмотря на все печали и трудности окружающей жизни.

Пусть «лекарства» из этой замечательной «аптечки» – детали и нюансы, точно рассчитанные приёмы и опыт инту-

итивного конструирования методических решений, сиюминутные открытия и неожиданные воскрешения давно знакомых истин – не раз пригодятся и вам, уважаемый читатель.

Андрей Русаков

Глава I. Неотложка для «грамотеев». Шесть радикальных средств от «врождённой неграмотности»

Средство первое. Прогулки в орфографическом саду

Не перестаю удивляться, насколько дремучим оказывается для пишущего человека это место в русской орфографии – безударная гласная в корне. Даже у старшеклассников нет-нет да и встретится какое-нибудь позорное *пожЕлой*, *прикОзал* или *очЕрованье*. Видимо, в своё время взрослые проигнорировали игровую «прививку», не дав ребёнку возможность вдоволь наиграться с корнем.

Гербарий-корнярий

«Гербарий» (более точное слово «корнярий» у нас не прижилось) – это маленький блокнотик или полтетрадки (но только не очередная обычная школьная тетрадь!). Гербарий – вообще-то коллекция растений, у нас же – целых де-

ревьюев. По шутке – на каждой страничке.

Вырастает такое дерево из корня, и перечень русских корней с указанием страницы, на которой выросло соответствующее корню дерево, есть на последней страничке нашего гербария-корнярия.

Количество ходовых русских корней вполне перечислимо. Со временем у нас составляется целый словарик корней. Лексическое значение большинства из них вроде бы rozpoзнаётся интуитивно. Взрослым человеком – да. Но ребёнку необходимо, что называется, повертеть русские корни в руках.

Ребёнку недостаточно даже такого мощного инструмента, как проверочное слово. Во-первых, надо уметь им пользоваться. А то ведь бывает, что слово *ветеран* проверяют *ветром*, *замирать* – словом *мир*, *здорово* – словом *здравствуй*, а *ломать* – словом *переламывать*.

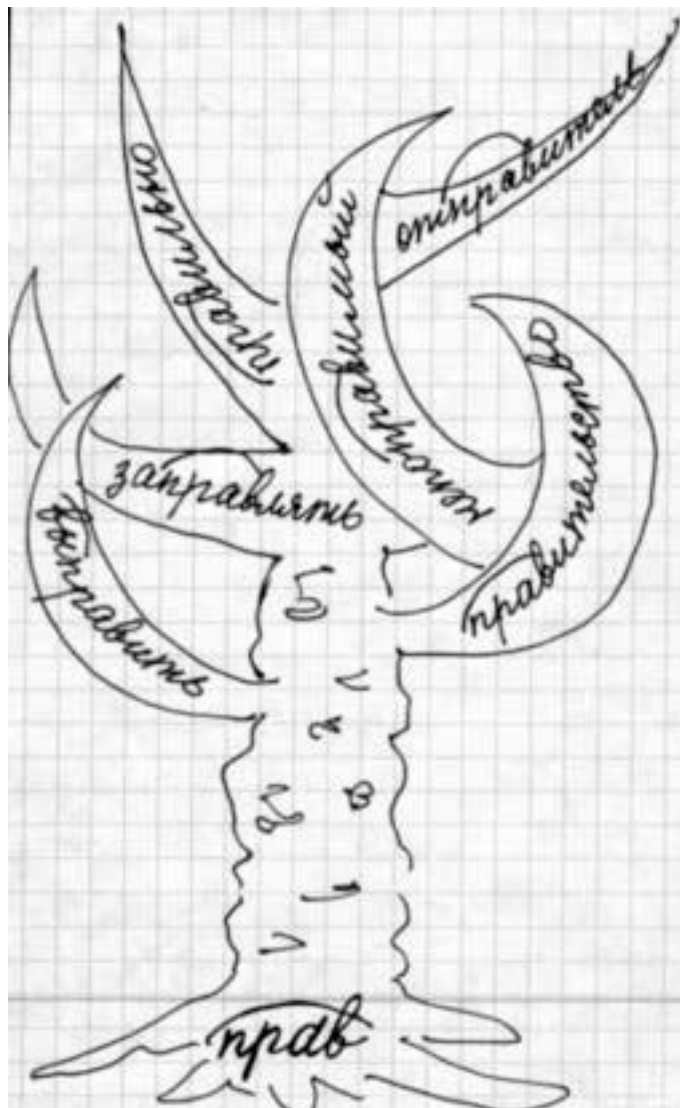
И потом: ну и что ж, что подобрал проверочное? В следующей-то строчке опять сделал ту же самую ошибку. Надо бы как-то удерживать в голове всё гнездо целиком. Гнездо, куст, семейка, дерево – выбирайте образ по вкусу. У нас – дерево, потому что так сложилось. Потому что самый первый раз к гербарии мы подбирались издалека. Это было начало третьего класса.

Вначале мы пытались рисовать генеалогическое древо семьи.

Затем появилось настоящее дерево – чуть ли не в нату-

ральную величину. Его вырезали из толстого картона и красили всем миром, и потом оно стояло у нас в классе почти полгода. Время от времени к его корневищу прикалывали булавкой новый русский корень, и дерево обрастало очередной листвой – однокоренными словами, которые дети выписывали на листочках бумаги и собственноручно прикрепляли к картонным ветвям. Конечно, случались недоразумения: то и дело на нашем «баобабе» появлялся какой-нибудь «огурец» – как говорили дети, «слово не отсюда», «иностранное», «только прикидывается родственником».

И только после всего этого каждый из ребят обзавёлся личной коллекцией корней – гербарием, который постоянно пополнялся новыми деревьями.

Правила для коллекционера

Коллекционер обязан следовать особым правилам:

- 1) все известные части речи и способы словообразования должны быть представлены в словах, вырастающих на ветках;
- 2) предпочтительны такие словоформы, когда гласная в корне – безударная;
- 3) в каждом слове, выросшем на дереве, надо обязательно отметить корень;
- 4) корень как таковой, приколотый в районе корневой системы дерева, должен быть написан крупно и ярко.

Остальное – дело фантазии коллекционера. Наша средне-русская природа не видывала столь экзотических растений, какие то и дело появляются на страничках ученических гербариев.

С каждым новым деревом список корней на последней страничке гербария пополняется. Только теперь корень снабжён ещё и соответствующей иллюстрацией. Каждый из учеников сам себе художник, сам придумывает, как воплотить в рисунке лексическое значение корня. Например, рядом с корнем – *да-* (*дать*) пишут «на!», а на корень – *дав-* (*давить*) удава рисуют. С корнем – *вес-* рядом оказывают-

ся различные веса (или три толстяка – сами или название книжки). Ну а рядом с корнем – *вис-*, увы, частенько красуется добротная виселица...

Кто символичкой отделяется, кто батальные сцены выписывает – каждый своей иллюстрацией пытается сказать, «про что» тот или иной корень.

Варианты заданий

Но вот на дом задано нарисовать очередную пару деревьев, например с корнями – *един-* и – *каз-/каж*.

Ещё на перемене ребята ставят стулья в круг – они призывкли к пятиминутной словесной разминке. Начало урока. Ребята садятся в круг с гербариями, открытыми на нужном дереве. В определённом ритме, который я отбиваю в ладоши, они передают по часовой стрелке (или против) свои блокноты (в театральной педагогике есть подобное упражнение). Хоп! Направление поменялось. Стоп! – и по кругу каждый читает слово с корнем – *един-* (или – *каз- / – каж-*) из того гербария, который в данный момент оказался на коленях.

Таким образом озвучиваются не только замечательно интересные слова с данными корнями (*поединок, единорог, приказчик*), но и «огурцы» (*съедено, седина, казак*). Последние, впрочем, ребята опротестовывают поднятием вверх скрещённых рук.

Рассевшись по своим местам за партами, ребята за мину-

ту (я засекаю по секундомеру) добавляют к своему дереву три любившихся им слова из тех, что только что прозвучали. Можно ограничить круг прочитываемых слов, например, какой-нибудь частью речи, и тогда ребята кинутся записывать именно глаголы или причастия (чем не «повторение и закрепление пройденного»?).

А я радуюсь тому, что сумела ещё раз обратить внимание своих учеников друг на друга: может быть, кто-то удивился интересному слову и взглянул на его хозяина с любопытством?

Периодически мы устраиваем блиц-диктантки – по слову с каждого дерева. При этом диктую вовсе не обязательно я.

Или такое задание: за одну минуту написать как можно больше слов с данным корнем.

Знать в лицо

Так или иначе, а корень становится узнаваем всюду, даже в словах, с которыми дети раньше не встречались. Они его просто, что называется, знают в лицо. И им нет надобности лихорадочно подыскивать проверочные слова. Ведь коварство этих самых слов известно, и мне совсем не хочется, чтобы мои дети принялись «проверять» корни с чередованием гласной. А это сплошь и рядом случается, и не только в начальной школе. И вообще, у многих учеников независимо от

возраста привязанность к проверочному слову – прямо-таки болезненная. А что это за слово такое? Как устроено? Что именно проверяет?..

Или вот печально известные «11 глаголов-исключений». С ними та же история. Большинство учеников отбарабанивают их наизусть, как только слышат слово «спряжение». А что это за глаголы такие? Почему они исключения? И, главное, из чего исключения? В лучшем случае говорят: «Из правила». Из какого правила, господа хорошие?

Даже у старшеклассников подчас не срабатывает механизм обнаружения корня, слово в одиночестве порхает в их головах: ни семьи, так сказать, ни детей. В таких случаях я включаю в работу гербарий, и он, представьте, ещё ни разу меня не подвёл. (Наш словарик русских корней, собранных за период с 3-го по 5-й класс, см. в дидактических материалах: <http://6url.ru/jhLx>.)

Средство второе. В атмосфере дружбы и взаимо... штопки

Можно ли на уроках русского языка как бы невзначай открывать справедливость опостылевших правил? Готовиться к экзамену по русскому языку – и при этом не переставать удивляться и радоваться тому же самому русскому языку?

Ещё бóльшая редкость на уроке – это разговор. Не дискуссия, запланированная учителем, а нормальный живой разговор учеников друг с другом. Не по поводу нового мобильного, и уж тем более не на предмет покурить на переменке. А по делу. По материалу урока.

И я всё время была озабочена тем, как же устроить ребятам эти встречи – встречи друг с другом, встречи с предметом (да при этом чтоб ещё и скучно не было). Ведь в этом, может быть, самая наша главная педагогическая задача и есть.

Дырявый текст

То, что в учебниках русского языка называется «вставить пропущенные буквы», у нас называется «заштопать дырки».

Конечно, эти самые «дырки» есть и в упражнениях учебника, и в дидактических материалах по русскому языку, в разных там рабочих тетрадях. Но все эти дырки – чужие, не

собственного приготовления, навязаны школьнику авторами – разными умными дядями и тётями. А вот штопать дырки соседа по парте, которые тот в своей «рукописи» проделал собственноручно, – это уже полюбопытнее занятие. Тогда и соседу – чтобы он в это время не скучал – надо что-то предложить взамен.

А как научиться свои дырки выдумывать? Идею дырявого текста собственного приготовления нам подарила замечательная московская учительница Лидия Филякина.

Рецепт изготовления

В каком месте текста могут быть дырки? Конечно, в «ошибкоопасном», «слабом» (в слабой позиции фонемы). Где тонко, там и рвётся, так ведь?

У гласных – своё «тонко», у согласных – своё. Ещё «тонкие» места – это где всякие знаки (ь, ъ) и дефисы, где есть альтернатива «вместе или отдельно» и тому подобное. В корне, в суффиксе, в приставке, в окончании. Каждая дырка – непременно какая-нибудь орфограмма.

Ученик берёт чистый лист и книжку – лучше ту, которую в данный момент читает. Из книжки выбирает на свой вкус кусочек текста – полстранички. И, переписывая эти полстранички на свой тетрадный лист, сооружает дырявый текст.

Уговор таков.

Во-первых, наш девиз – не меньше одной дырки в слове (односложные слова и очевидные случаи не в счёт).

Во-вторых, текст должен быть написан разборчиво. Ак-

куратность – это уважение к читателю твоей тетрадки.

В-третьих, дырки должны быть достаточно вместительны – ведь их же штопать кому-то предстоит.

Возможны такие варианты проделывания дырок в тексте:

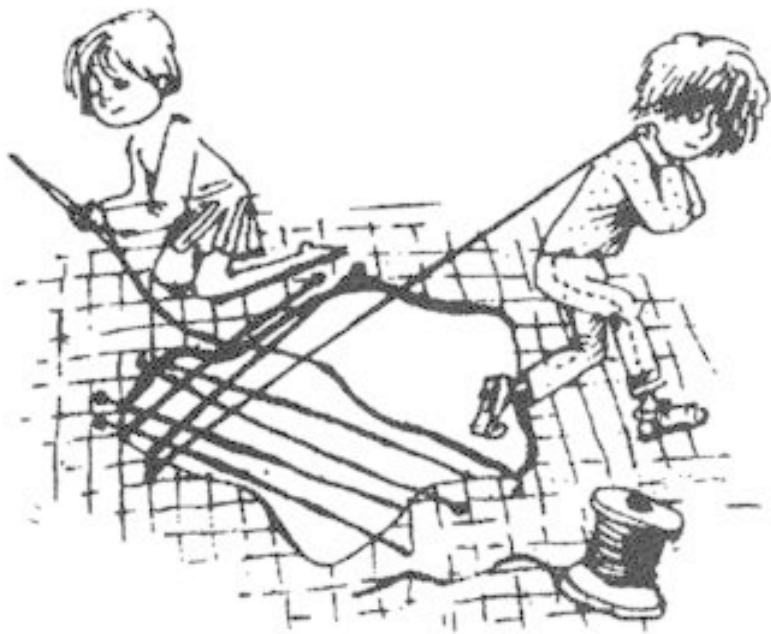

В-четвёртых, пропуск знаков препинания приветствуется в любом количестве.

И, наконец, **в-пятых**: книжка, из которой «дырявили» текст, прилагается. Для чего – будет ясно из дальнейшего рассказа.

Сначала на живульку

Итак, текст учениками продырявлен и лишён знаков препинания. Чаще всего эта работа – кусок домашнего задания. Урок начинается с того, что ученики обмениваются своими дырявыми текстами с соседом по парте (или с соседом сзади, или с соседом спереди – на выбор).

Так, дело пошло. Быстро, за три – пять минут, я должен заштопать соседские дырки – пока что на живую, то есть начерно, карандашом.

Общий сигнал «хоп» – и обратный обмен.

Моя тетрадь вернулась ко мне. Вот теперь я беру ручку и, сверяясь с книжкой, уже по-настоящему крепко штопаю свой текст. Если карандаш не врёт, то есть ошибки нет, обвожу соответствующую букву (знак, соединение) сразу ручкой. Если же сосед ошибся, то, ткнув его в ошибку (а он, со-

ответственно, меня – в мою), стираю её ластиком с лица земли и вписываю – теперь не вырубишь топором! – своей ручкой единственно правильный вариант. Проверяю по книжке знаки препинания. Готово. Прошло ещё три – пять минут.

Текст – как новенький, с иголочки. Мой дорогой сосед между тем проделывает аналогичную работу. А поскольку все являются чьими-нибудь соседями, то все и работают. Поголовная занятость.

Под новым углом зрения

Сколько разных встреч состоялось у нас с текстом?

Когда нашёл подходящий (чтоб слова потруднее) кусочек текста в книжке и проделывал в нём дырки – **раз**.

Когда сосед дёргал меня за рукав: «А что это у тебя за слово?» – **два**.

Когда штопал начисто ручкой свой текст (не говоря уж о том, что и соседский карандашом подштопывал) – **три**.

И, сверяясь, посматривал при этом в книжку – **четыре**.

И, заметьте, всякий раз текст открывался под новым углом зрения. И при каждом обращении к тексту в световое пятно моего внимания попадали разные(!) слова.

За какие-то десять минут – и сколько перелопатили! И не кастрированного языка учебных упражнений, а того самого, «великого и могучего». Уверена (потому что убедилась на опыте), что, если много текстов через себя вот так пропус-

кать, интуиция работает у каждого.

В ученической голове подсознательно совершается сложнейшая классификационная работа. Слово (словосочетание, предложение), интуитивно отнесённое к какому-либо классу явлений и подчинённое его законам, уже не одиноко. Оно обзаводится определёнными привычками, манерой поведения. И порой становится просто невозможным написать его неправильно.

Деловые встречи

А сколько же было деловых встреч с соседом (именно деловых, а не на предмет подпольной деятельности)? Сколько раз мой сосед открылся мне с какой-то неожиданной стороны и я подивился тому, на что прежде не обращал внимания! Сколько раз я узнавал в его дырявом тексте свой собственный! В его удачах и неудачах – свои.

А ведь сосед (партнёр) у меня всякий раз новый. Мы работаем в ситуативных четвёрках (малых группах), так что у меня соседей много: сосед слева, сосед справа и сосед по диагонали.

Что касается отметок – пожалуйста! Отмечаю у соседа в тетради «удобство дырок» (комфортно ли мне было буквы в его дырки вставлять) и «качество дырок» (не по мелкому ли поводу они проделаны, ведь чем сложнее орфограмма, тем серьёзнее повод).

Отметка. Личная подпись. А учитель выставляет эти отметки в журнал. Чем не оценка работы?

На уроках штопку дырок можно устраивать и в качестве десерта. Хорошо бы эти штопки проводить между командами – чтобы ещё и ещё раз провоцировать детей на деловые разговоры-договоры и тем самым, между прочим, уменьшать вероятность ошибки. «Хоп!» – и команды по часовой стрелке меняются местами для взаимной проверки...

Ну а не хватило на уроке времени на штопку – можно и на дом задать. Тоже хорошо: в начале следующего урока хозяину тетрадки и штопальщику будет что обсудить.

Пана вшив^н в кан-
нату скор^нми ша-
мевскими шар-
ками и подшив^н
к Люб^нчке, кото-
рая представ-
лять, увид^н
его.

Удовлетв. дырок 4 Леш^н-
Качество дырок 5 Олга

Фрагмент ученической тетради

Средство третье. Проработка ошибок и неточностей

Понятно, что вообще-то ученикам надо ошибки «прорабатывать»! А как?

Обычный, принятый в школе, алгоритм работы над ошибками даёт представление о том, как работать с единицей языка, но не вмещает представлений о том, как работать с человеком. Как учителю сотрудничать с учеником? Как ему, ученику, сотрудничать с учителем? Со своими сверстниками?

Цифирь на полях

В ученических тетрадках вместо привычных символов (палочка – орфографическая ошибка, галочка – синтаксическая ошибка) на полях появляются разные цифры, которые проставляет учитель при проверке. Каждой ошибке строго соответствует та или иная цифра. При этом учитель может либо исправить ошибку сам, либо просто зачеркнуть её, либо вовсе ничего с ней не делать – в зависимости от хозяина тетрадки или своего рабочего замысла. Но на полях, в соответствующей данной ошибке строке, непременно появится цифра, отсылающая ученика к «Проработке ошибок и неточностей».

Такая маленькая рукодельная брошюрка есть у каждого

ученика. Зачем она? Ведь, казалось бы, все эти орфо- и пунктограммы есть в учебнике. Но учебник – большой и не мой, а книжечка – маленькая и моя, именная. Даже сброшюрована и проиллюстрирована собственноручно.

Рукодельная брошюрка

Жизнь «Проработки» началась с десяти орфограмм на одном-единственном листочке, предназначавшемся каждому первокласснику. Перечислены они были в том порядке, в каком заходила о них речь в классе. Каждая новая орфограмма обживалась и торжественно набиралась на компьютере.

По мере углубления в материал (а мы шли не по програм-

ме, а собственным путём), наша книжечка разрослась до 57 орфограмм и 19 пунктограмм. Никакой особой логики в их подаче не было, и тем более ни на какую полноту наш список не претендует. Принцип перечисления орфограмм был один – житейский, домашний. (А поскольку у каждого класса жизнь своя, то и «Проработка», если вы вдруг затеете её сочинять, наверняка выйдет не такая, как когда-то у нас.)

Та, чей фрагмент вы видите, – аж пятая! И терзали её в таком виде уже шестиклассники. Значит, укладывалась она в их головах целых шесть лет (за шесть-то лет и наизусть не грех выучить, не правда ли?).

Многие пунктограммы в «Проработке» лишь обозначены. Понятно, что в шестом классе разговор об обособленном приложении весьма приблизительный, но ткнуть шестиклассника лишний раз носом: сочини-ка, дескать, своё по-

хोजее предложение, – представляется полезным. Развивает языковую интуицию, да и ошибку без внимания оставлять не хочется (даже если класс и «не проходил» соответствующей темы), ведь в сочинениях у ребят иногда встречаются весьма сложные синтаксические конструкции. Что ж, в восьмом-девятом-десятом классах инструкции будут более подробными.

Если б все правила мы стали формулировать в их полноте, то наша «Проработка» превратилась бы из инструкции для домашнего употреблению в сакраментальное учебное пособие, на которое с опаской смотрели бы даже сильные ученики.

Орфограммы	Прорабатываю так
19. Соединительная гласная о или е в сложных словах	Отмечаю корни, из которых состоит слово, и обвожу в кружок соединительную гласную: <u>босоножки</u>
20. Непроизносимая согласная в корне	Подбираю и пишу через чёрточку проверочное слово и ещё три слова с этим корнем: <u>грустно</u> – грустить; <u>грустный</u> , <u>загрустил</u> , <u>грусть</u>
21. Частица не с глг. и дееприч.: не был, не раздумывая, ненавидеть (искл.)	Пишу три глагола или деепричастия с частицей не раздельно
22. Правописание -тся или -ться в глаголах	Задаю к глаголу нужный вопрос: надо (что сделать?) извиниться; он (что сделает?) извинится

Рукодельный характер «Проработки» определил и её «домашнюю» терминологию: «слабое окончание», «вежливый мягкий знак в окончаниях глаголов 2-го л. ед. ч.». Это ещё что! В первых двух вариантах «Проработки» безударная гласная в корне звалась «пиратской гласной», парная согласная – «больной», а непроемкая согласная – «робкой». Эти образы родились когда-то на страницах самиздатовских «учебников по русскому языку», которые в конце учебного года сооружали мои второклашки, с тем чтобы первого сентября торжественно вручить их первоклашкам (такая была задумка). Каждая орфограмма в этих «учебниках» была воплощена в виде какой-нибудь сказки или истории, непременно с картинками.

Некоторые следы ученических фантазий сохранились по сей день – и не только на страницах «Проработки», но и в головах учеников, ставших старшеклассниками.

См. инструкцию

Итак, тетрадь – будь то обычная тетрадка по русскому или тетрадь с конспектами по истории или физике (я, например, время от времени просматривала на предмет ошибок **все** тетрадки своих учеников) – после проверки обзаводится раз-

---

¹ Полный текст см. в дидактических материалах: <http://6url.ru/jhLx>.

ными цифрами на полях. Цифра без кружочка соответствует какой-либо орфограмме, цифра в кружочке – пунктограмме.

Завидев одно из двух на полях своей тетради, ученик действует так. Открыв «Проработку» на нужной цифре и отыскав на строчке злополучное место с ошибкой, он прорабатывает её по инструкции, изложенной в правом столбике «Проработки», как раз напротив орфограммы за соответствующим номером.

В средней и старшей школе поводом лишний раз открыть «Проработку» служат не столько привычные упражнения и диктанты (адаптированные тексты дают сравнительно небольшое количество однообразных ошибок), сколько сочинения, изложения, истории для самиздатовских литературных журналов или материалы для классных газет. Тут и учителю приходится попотеть. Но это с непривычки, это пройдёт, поскольку по ходу дела «Проработка» невольно запоминается. Кстати, учениками – тоже: за год-два большинство орфо- и пунктограмм без всякой зубрёжки откладывается в памяти вместе с номером и инструкцией. Так что, заведя цифру 22 на полях тетради, уже не обязательно лезть в «Проработку».

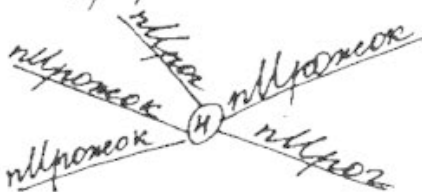
Били взяли пирожок, лёг на 6	
живот, пофигили пирожок на 35	
маны, посмотрел на него, и ⑦	
сфм. =	11

Фрагмент ученической тетради

И даже если на уроках русского языка мы «ещё не проходили» какую-то тему, то волей-неволей ребятам приходится в ней разбираться, выясняя, что стоит за той или иной цифрой. А мне – помогать им в этом, подчас забегая далеко вперёд школьной программы. Что ж, что «не проходили»! Писать-то по-русски приходится уже сейчас. «Проработка» позволяет удерживать практически всю русскую орфографию в активе.

Проработка ошибок.

6.

35. попожили, попагаты, положение

① Я покой, пожили портфель
и положился на диван.

и. пожили, пожили

Фрагмент ученической тетради

Шифровальщики

Вариант задания: над каждой дыркой (пропущенной буквой), вариантом слитного, отдельного или через дефис написания или над пропущенным в тексте знаком препинания надо поставить соответствующий номер орфо- и пунктограммы, то есть соотнести проблемный случай с определённым грамматическим правилом. Выписать цифры в ряд – и получится шифровка. Таким способом можно зашифровать какую-нибудь строфу из Пушкина. Или абзац из рассказа

Когда в т⁶бвар³м⁶у⁵р⁷е с⁴-
 мас¹¹я нет ⁽⁷⁾ на пар³м¹⁶а
 дело н²¹о п⁴ойдет ⁽⁶⁾ и вый-
 д³⁷ет из ³н²⁴ого не дело ⁽⁹⁾та¹¹ко
 ко м¹¹ука.
 Шифровка: 6, 3, 6, 5, 7, 4, 11, ⁽⁷⁾, 3, 16,
 21, 4, ⁽⁶⁾, 37, 3, 24, ⁽⁹⁾, 11.

Такая работа оптимальна, конечно, в компании (в малых группах) – это как раз тот случай, когда в споре рождается истина. Ведь свою первостепенную педагогическую задачу я вижу в осторожном и тщательном налаживании рабочей атмосферы, дружеских контактов – с тем чтобы у каждого ребёнка мог сложиться личный образ работающего бок о бок с другими человека.

Итак, командам раздаётся один и тот же отрывок текста. Каждая команда на свой лад делает его дырявым и передаёт в другую команду, допустим по часовой стрелке.

Следующий шаг: над каждой дыркой надо поставить соответствующий номер орфо- и пунктограммы и выписать цифры в ряд. Шифровка готова.

Интересно ли будет сверять её с шифровками других команд? Ещё как! Ведь шифровки не получаются одинаковыми. И чем больше различных вариантов, тем интереснее детям.

И уж конечно, вариативность – это бальзам на сердце учителя. Ведь есть что обсудить! При этом тема обсуждения не спускается учителем сверху, а возникает тут же, на месте, «из народа». И учитель знает, что, когда он будет высказывать своё мнение, заинтересованные слушатели найдутся.

После того как все недоумения разъяснены, «хоп!» – по общему сигналу оставили свои тетрадки на местах и перешли в соседнюю команду. Самое время заняться штопкой.

По поводу каждой дырки (чем её заштопать) нужно всё же ещё раз окончательно договориться. Пока совещаются, поглядывают на соседей. Те тоже о чём-то шушукаются.

«Хоп!» – и команды вернулись на свои места. Теперь, сверяясь с первоисточником, можно заштопать свой текст уже ручкой, подбирая вдоль дороги соседские оплошности. Остаётся договориться, какие отметки ваша компания ставит штопальщикам: одну – за грамоту (по количеству отловленных ошибок), вторую – за дружбу (одинаково ли заштопаны дырки?). Отметки, таким образом, получают все – командные. И именно их учитель ставит в журнал и дневники.

Главное – конспирация

А вот пример работы, срежиссированной похитрее.

К работе принимаются, предположим, пять различных текстов, будь то отрывки из Толстого или из учебника по физике. И лучше, если тексты выберут сами ученики. Допустим, от каждой команды – по абзацу. На доске выписываются названия книг или учебников (в классе их должно быть несколько штук). Плюс координаты абзацев.

Итак, задание командам: втайне от других команд выбрать один из абзацев, отыскать его по адресу в книге и зашифровать. А это значит, как вы уже догадываетесь, сделать из него дырявый текст, над каждой дыркой и пропущенным знаком препинания поставить номер орфограммы и на листочке выписать цифры в ряд.

Это задание интересно старшеклассникам, но оно по силам и малышам. Просто у них в обиходе всего с десяток орфограмм, и их дырявый текст не будет таким дырявым, как изрешечённый «пулемётной очередью» текст старшеклассников.

Соблюдать конспирацию и не выдать, над каким абзацем корпишь, – трудно. Но если информация всё же просочится, работа лишится своей изюминки. А изюминка её в том, что по шифровкам, которыми обмениваются команды, им предстоит угадать, что это за текст. Откуда? Из какой книжки?

Может быть, это тот же абзац, что и у нас? Сравним шифровки. Разные... Нет, похожи. Так обнаруживаются варианты. А какой правильный?.. И опять ребятам есть о чём поговорить. И это здорово, потому что разговоры – по делу.

Глядишь, учитель и услышит наконец от своих учеников долгожданные вопросы.

На десерт

Ну а если явно не наш кусочек? Для идентификации придётся из всех подряд абзацев делать дырявые тексты и шифровать. Хотя бы по первому предложению из каждого. Учителю надо очень постараться, чтобы в этом месте у ребят не появился настоящий азарт.

...При этом вся грамматика в активе. И сладостен для слуха учителя русского языка добровольный ученический лепет о тонкостях русского языка: чередованиях и обращениях, причастиях и обособлениях, орфограммах и пунктограммах... А ведь ребятам и вправду о многом надо договориться друг с другом – дело не ждёт. И надо – действительно, а не чтобы сыграть с учителем в поддавки.

Невзначай по дороге можно и открытие какое-нибудь сделать. Например, сравнив (а цифры говорят сами за себя) толстовский синтаксис и синтаксис учебника по биологии. Мой друг и коллега говорит, что по-настоящему восхищаться человек может лишь тем, что сам открыл. И по-настоящему

сомневаться он может лишь в том, в чём засомневался самостоятельно. Ведь это сомнение он открыл сам.

Средство четвёртое. «Таблица умножения» словарных слов

Словарные слова, как и таблицу умножения, надо знать наизусть. Вот только таблица умножения помещается на одной тетрадной страничке, а словарных слов, правописание которых в большинстве своём не поддаётся никакой логике (детской, во всяком случае), – целый толстенный словарь. Их надо учить и учить, нередко снова и снова возвращаясь к одному и тому же слову. Хорошо ещё, если ребёнок много читает и у него достаточно развита интуиция. А если он *корзину с картиной* уже третий год запомнить не может?

Как при запоминании избежать постылой зубрёжки? А если разнообразить это монотонное, скучное дело какими-то сюжетными ходами? Придумать интригу? Так организовать эту работу, чтобы дети имели возможность встретиться не только с капризным словом, но и (может быть, это главное) друг с другом, обнаружить друг друга и удивиться.

Глядь – а словарные слова как-то сами собой и улеглись в голове.

Солнышко и стенка

Однажды мы с классом договорились, что если ошибся в словарном слове, то его, во-первых, нужно **написать на**

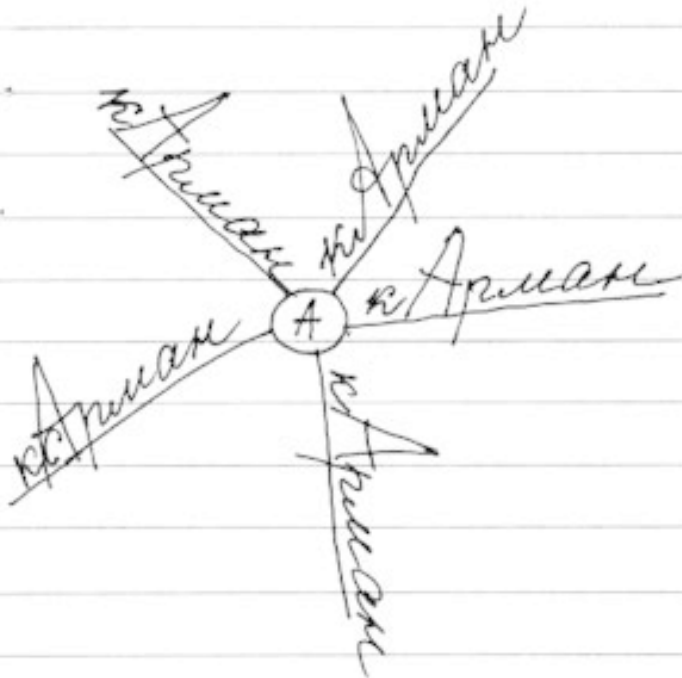
солнышке не менее пяти раз, а во-вторых, вывесить на стенку.

Солнышко выглядит примерно так, как нарисовала его Варя, прорабатывая слово «карман».

При этом важно, чтобы словарное слово было написано не только несколько раз, но и не в одну строчку, как это обычно делается, а обязательно на лучах солнышка, то есть под разным углом зрения. И буква, из-за которой слово угодило на солнышко, должна бросаться в глаза своей величиной.

А что за загадочное «вывесить на стенку»? Учителям это надо понимать буквально. Солнышко солнышком, но опыт показывает, что иногда его бывает недостаточно. (Словарных слов так много, целый словарь. Разве все упомнишь!) Хорошо бы вернуться к нашему «крепкому орешку» ещё разок или лучше – два. Для этого можно, например, написать строптивное слово на листе большого формата жирным фломастером, выделив проклятушую букву **размером и цветом.**

6.

Фрагмент ученической тетради

А затем вывесить листок для всеобщего обозрения на стенку класса при помощи скотча. Стены наших классов постепенно скрываются под этими своеобразными обоями. (Учителю же при покупке скотча придётся позаботиться о том, чтобы он не оставлял после себя на крашенных стенах тёмных следов.)

Откуда бы взяться такому количеству и разнообразию

словарных слов? Ведь в конце учебника по русскому языку их не так много, и список для всех один.

Сочинения, изложения, короче, всё, что пишется на уроках русского и литературы, – это один источник. Другой (столь же неистощимый, но черпаешь из него уже в средней школе) – это тетрадки по предметам, требующим конспектирования: истории, географии и так далее. Появившаяся на полях (конечно, наряду с другими) цифра 6 обязывает ученика действовать согласно вышеуказанной инструкции. Вот вам и куча словарных слов, причём каждое – из персонального словаря учащегося N.!

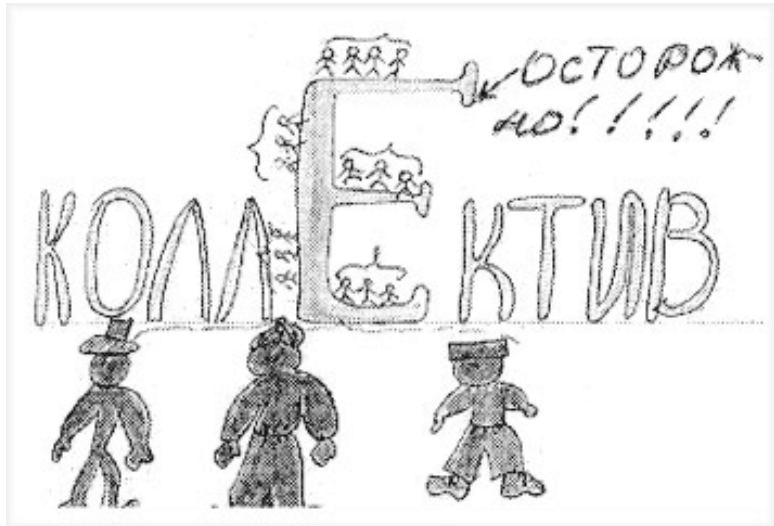
Круговорот слов

Неделю слова висят, а ребята их обживают: рассматривают, иллюстрируют (это любимое), попутно кое-что запоминают. Да просто узнают новые слова! В общем, взаимообога-

щаются. Каждый день (с подачи учителя или без) отмечают, что новенького появилось на стенках.

И вот листков со словами уже столько, что места на стенке не хватает. Что делать дальше? Тут как раз и наступает момент урока, который называется «стенка». Учитель даёт несколько минут для «фотографирования». Затем счастливчик (тот, кто заработал или кому просто повезло совершить этот ритуал) торжественно снимает все слова со стенки, при этом как-то так сложилось, что каждое слово проговаривается вслух, по слогам и хором – как в первом классе. Последовательность снятия слов не случайна. Её определяет история, которая сочиняется счастливчиком тут же, по ходу дела. Истории бывают притянуты за уши, но среди них встречаются и забавные. (Иногда после ритуала снятия слов со стенки я давала задание восстановить ту или иную историю, в соответствии с её ходом развешивая перепутанные листочки по местам. Это тоже работает на невольное запоминание.)

Наконец пачка листов в руках учителя. Следующий ход: он быстро (почти скороговоркой) диктует слова, ребята записывают их в тетради. Затем наступает момент проверки. Ребята меняются тетрадками в парах. Учитель предъявляет им листочки по одному. Это ещё одна встреча со словарным словом. Помните, сколько их? Нашлась ошибка (№ 6 на полях) – солнышко – изготовление правильного листочка – вывешивание – пребывание на стенке – ритуал снятия – диктовка – проверка. Семь! Как тут не запомнить даже самые длинные и экзотические слова, например *мистификация*, сколько бы их ни было.

Ребята сверяют листок с тем, что видят в соседской тет-

ради. И если ни у кого ошибки не обнаружено, то слово отправляется «на пенсию» (дети придумали), с тем чтобы отдохнуть. Но, может случиться, через некоторое время, например через месяц, оно опять окажется на стенке для проработки.

Если же в классе есть хоть один «прокол» (поднятая рука означает ошибку), то несчастное слово – ну нет ему покоя! – немедленно возвращается на стенку. Через неделю его ждёт ещё одно испытание, правда уже в новой компании.

Подводим итоги. Ни одной ошибки – пятёрка, одна-две – четвёрка, от трёх до пяти – тройка, больше пяти – двойка, а то и вовсе кол. Личная подпись. Тетрадь возвращается к хозяину.

Обсуждаем, по какой причине слово вторично угодило на стенку: или «ошибкоопасное» место выделено непрофессионально, или фломастер бледный. Знатоки этого дела берут листок со словом «на реставрацию»...

Вот такой круговорот слов в природе.

Средство пятое. Поднимем орфографические паруса!

Эту работу давным-давно я подсмотрела на уроке Елены Павловны Ельсуковой, которая в те далёкие времена так же, как и я, бегала к замечательной московской учительнице Лидии Филякиной за «филькиной грамотой» чуть не каждый вечер...

Итак, положим, что после очередной проверки тетрадей вы наскребли штук двадцать слов с детскими ошибками и они у вас выписаны на листочке. Попросите посыльных раздать по штуке на каждого предварительно нарезанные полоски бумаги – «паруса».

Теперь надо определиться с бортами. «Левый борт» – это те, что сидят по левую сторону от мысленно проведённой посередине парты черты, «правый» – те, что сидят справа от неё.

Читатель своим училкиным носом уже чует, небось, что «борта» – это традиционные первый и второй вариант, а «одионое плавание» окажется самым обыкновенным словарным диктантом. Тут мне вряд ли удастся его переубедить. Только вот что ответил мне сын, будучи уже семиклассником, на мой вопрос, не чуял ли он тогда подмены, не считал ли «одионое плавание» хитрой уловкой учителя, подсовывающего им горькое лекарство: «Нет, конечно! Ты что?! И в

голову не приходило. Зачем ты сказала?! Было **так** интересно!» Сравнение показалось ему чуть ли не циничным! Для Никиты это была **другая** работа.

Одиночное плавание

«Левый борт, подмигните мне левым глазом. Правый, помахайте мне правой рукой... Поплыли!» И я диктую по одному слову левому и правому борту по очереди – всего по десять слов каждому.

Диктую очень быстро, переспрашивать и переговариваться нельзя: плавание-то одиночное. Один на плоту. С кем говорить, с чайкой, что ли? Опять же, к соседу сзади обернёшься – плот перевернёшь, а на море и без того штормит. Не так уж часто маленькие обитатели нашей школы сидят «трамвайчиком» – в затылок друг другу, но публичное одиночество здесь деловое. Оно замотивировано правилами игры и бешеным темпом, а вовсе не тем, что так удобно учителю.

Слова пишутся в столбик, и парус каждый раз надо сворачивать (загибать бумажку) ровно на одно словечко. Шестиклашки моего коллеги Сергея Плахотникова на уроке литературы были ошарашены своим открытием: «Как это *белеет парус одинокий*? Явная же буря: *мачта гнётся и скрипит, ветер свищет*. Но ведь в бурю паруса сворачивают!» Вот и мы свои свернули наконец.

Мама Л.

ЛБ

интернат

по-новому

цита

распашу

в. д.

Фрагмент ученического «паруса»

Волны становятся меньше. Море стихает. «Поднять паруса!» Разворачиваем бумажки, открывая по слову. Начинаем с последнего. «Левый борт, найдите в своём слове двойную “эс”» (или произносимую «тэ», или твёрдый знак и т. д.). «Правый борт, найдите в своём слове чёрточку» (или корень – *плав-*, или две буквы *e* и т. п.). Сами слова и что в них искать – это зависит от того, во втором или в пятом классе происходят события.

Нашли – обвели в кружок. Не нашли – придётся проделать в этом месте дырку. Ручкой. Настоящую. Насквозь. А дома придётся парус штопать (делать работу над ошибками).

Вот и десятое (пятнадцатое, двадцатое – это смотря какие у вас аппетиты), последнее слово. Парус развёрнут. «У кого сколько дырок?» Расстроенных нет: одни рады, что ни одной, другие – что их вон сколько!

По морю-окияну

Эта работа со временем претерпела ряд модификаций. Появились определённые маршруты. К примеру, по океану Безударная гласная в корне (вот уж действительно, безбрежный океан!), по морю Слабое глагольное окончание или Чередование гласной в корне.

Я крепко стою на том, что плавание на тему «Безудар-

ная гласная в корне» необходимо в начальной школе чуть не на каждом уроке. Пять минут тренировки. По одному человеку от каждого борта – «проводники» (они хорошо знают эти места). Проводники называют сразу проверочные слова, остальные обводят в кружок теперь уже очевидную гласную. Или не обводят. Тогда что? Правильно, проделывают дырку!

Дырка – это ж не просто дырка. Не в любом месте слово может порваться. А в каком? Эта работа стала преддверием следующей – самому создавать дырявые тексты.

Впрочем, плаванья не тематические (по морю-окияну), а – по крошке, приготовленной из различных орфограмм, у нас по-прежнему в чести. Знатоки берутся «раскрыть карты» – подсказать, по какому поводу возможная дырка. Ещё мне нравится, когда ребята узнают слова из своих родных сочинений. Тут им трудно не нарушить закон молчания во время «одиначного» плаванья. Волей-неволей закричишь: «А это моё слово!»

Панов С.

ПБ
приглазуб

рассердилась

выжился

заставляет

е
отряхлась

катушка

Фрагмент ученического «паруса»

В четвёртом классе, помимо собирателей монет, открыток и киндер-сюрпризов, появился ещё один коллекционер: Таня Романова коллекционировала «паруса». Те из них, что промелькнули здесь, любезно предоставлены Таней специально для этой публикации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.